

Содержание

Предисловие	7
Введение	II
 <i>Часть I. Понятие унижения</i>	
Глава 1. Унижение	18
Глава 2. Права	36
Глава 3. Честь	50
 <i>Часть II. Основания уважения</i>	
Глава 4. Обоснование уважения	64
Глава 5. Скептический подход	83
Глава 6. Зверское отношение к людям	96
 <i>Часть III. Достоинство как социальное понятие</i>	
Глава 7. Парадокс унижения	122
Глава 8. Отвержение	137
Глава 9. Гражданство	157
Глава 10. Культура	169
 <i>Часть IV. Проверка социальных институтов</i>	
Глава 11. Снобизм	196
Глава 12. Приватность	209
Глава 13. Бюрократия	220
Глава 14. Общество всеобщего благосостояния	230
Глава 15. Безработица	256
Глава 16. Наказание	271
Заключение	280
Предметно-именной указатель	301

Предисловие

Лет двадцать тому назад я провожал Сидни Моргенбессера на самолет. В зале ожидания аэропорта перед рейсом мы обсуждали теорию справедливости Ролза, которая на нас обоих произвела глубокое впечатление. Перед тем как попрощаться, Моргенбессер довел до моего сведения — а также до сведения всех прочих пассажиров, — что самая насущная проблема заключается не в справедливом обществе, а в обществе достойном. До сего дня я так и не смог понять, что именно он тогда имел в виду, но сама эта фраза показалась мне крайне любопытной. Эта книга обязана своим появлением на свет тогдашнему замечанию Моргенбессера. А сам я обязан Моргенбессеру изрядной долей философской выучки — и в немалой степени своими взглядами на общественное устройство.

Идея достойного общества мне импонировала, но на протяжении долгих лет я все никак не мог облечь ее в плоть и кровь. В конечном счете беседы с палестинцами во время интифады, восстания на оккупированных территориях, а также с вновь прибывшими в Израиль иммигрантами из стран распавшегося коммунистического блока убедили меня в том, что представления о чести и унижении в человеческой жизни играют ключевую роль — и, соответственно, в том, что понятиям чести и унижения в политической философии следует отводить значимое место. Так и возникло представление о достойном обществе как обществе, которое не унижает.

Впрочем, эта книга не об интифаде и не о крахе коммунизма: и то и другое пригодилось мне исключительно в качестве иллюстраций. Книга была написана в расчете на израильского читателя, и написана она была на иврите. Но потом Давид Хартман и наряду с ним некоторые

другие люди убедили меня в том, что понятие достойного общества может заинтересовать не только тех, кто читает на иврите. Его стараниями, а также благодаря поддержке Института Шалом Хартмана, которым он руководит, удалось найти средства на то, чтобы перевести книгу на английский язык. Основную часть работы сделала Наоми Голдблум, и сделала хорошо.

Большую помощь мне оказали друзья, взявшие на себя труд прочесть те или иные части рукописи: Майя Бар-Хиллель, Моше Хальберталь, Давид Хейд, Иосеф Раз и Михаэль Вальзер. Я хочу поблагодарить их всех. Моя жена, Эдна Ульман-Маргалит, человек, вместе с которым мы живем и работаем, помогала мне и в смыслах куда более широких, равно как и в мельчайших деталях. Простой благодарности здесь явно будет мало.

Поддержку мне оказывали и целые институции. Пребывание в колледже Сент-Энтони Оксфордского университета в качестве приглашенного стипендиата дало мне доступ в достойное общество и возможность написать значительные куски текста. Уютная библиотека Института Ван Лера в Иерусалиме, где долгие годы я проводил большую часть своего рабочего времени, позволила сделать еще того больше. Кроме того, я опирался на помощь Центра рационального поведения и интерактивных решений Иерусалимского университета. Последние штрихи были добавлены в чудесном теплом доме Ирен и Альфреда Брендель в Хампстеде. За что спасибо им всем.

Это не учебник. Объем глав или параграфов связан не с их значимостью для общего целого, а с тем, что я имел сказать по данному поводу. Я считаю, что каждая фраза в этой книге является истинной. Но я считаю также, что те или иные фразы в этой книге могут являться ошибочными. Среди философов подобное положение вещей именуется «парадоксом предисловия». Вне зависимости от того, какой логический статус мы придаем этому парадоксу, я уверен в том, что мою личную ситуацию в данном случае он отражает вполне.

Я написал эту книгу, исходя из самых искренних убеждений. Искренность убеждений сама по себе никого не спасает от ошибок, разве что увеличивает вероятность оных. Я и не сомневаюсь в том, что в книге есть ошибки. Единственное, на что я надеюсь, — что истины в ней тоже достаточно.

*Иерусалим
август 1995 г.*

*Шейх по городу брел, и светил фонарем, и кричал сквозь ночную завесу:
«Звери и демоны — с глаз моих прочь, я пытаюсь найти человека».*

Руми (1207–1273)

Введение

Что есть достойное общество? В двух словах, я могу предложить следующий ответ на этот вопрос: достойным является общество, чьи институты не унижают людей. Я делаю различие между достойным обществом и обществом цивилизованным. В цивилизованном обществе составляющие его люди не унижают друг друга, тогда как в достойном обществе людей не унижают институты. Так, коммунистическую Чехословакию можно назвать недостойным, но цивилизованным обществом, но мы вполне можем без противоречия представить себе Чешскую Республику, которая была бы обществом более достойным, но менее цивилизованным.

Социальные институты можно описать двумя способами: абстрактно, опираясь на законы и правила, согласно которым они действуют, или конкретно, исходя из их реального поведения. Точно так же мы можем говорить об институциональном, законодательно прописанном унижении, скажем, применительно к Нюрнбергским законам или законам апартеида, в противоположность конкретным случаям институционального унижения, таким как обращение лос-анджелесских полицейских с черным водителем Родни Кингом. При конкретном описании институтов различия между нецивилизованным и недостойным обществом становятся неочевидными. Меня прежде всего интересуют социальные институты в их конкретных проявлениях, так что эта граница довольно часто будет выглядеть размытой. Но даже если при рассмотрении тех или иных случаев будет не вполне ясно, где именно следует проводить разделяющую черту, само по себе такое различие бесполезно. Идея цивилизованного общества представляет собой понятие микроэтического порядка,

применимое к отношениям между отдельными индивидами, тогда как идея достойного общества есть понятие макроэтическое, касающееся устройства общества в целом.

Понятие достойного общества можно сравнить с другими оценочными терминами или противопоставить им — с такими, к примеру, как пристойное общество, которое блюдет должные процедуры, или общество респектабельное, которое стремится, чтобы его граждан уважали. Однако важнее всего сравнить достойное общество и справедливое. Для того чтобы прояснить понятие достойного общества, требуется не только разобраться с различием между достойными и недостойными обществами, но и сравнить его с другими понятиями об обществе — как с теми, что могут составить ему конкуренцию, так и с теми, за счет которых его можно дополнить. Я не стану напрямую сравнивать понятие достойного общества с альтернативными понятиями об обществе, за исключением понятия справедливого общества, но саму возможность подобного сравнения я все-таки здесь обозначу, в надежде прояснить ее на протяжении книги.

В первой части речь пойдет о причинах, по которым человек испытывает унижение. Я начну с двух радикальных позиций. Одна из них анархистская: унижительно само существование правительственных институтов. Другая — стоическая: никакой правительственный институт не дает людям оснований чувствовать себя униженными. Обе эти крайности будут отвергнуты, чтобы доказать следующее: институты не всегда унижают людей, но они на это способны.

Я утверждаю, что понятие достойного общества не обязательно связано с понятием прав. Даже общество, лишенное представления о правах, в состоянии выработать представления о почете и унижении, подходящие достойному обществу. Подходящим понятием о чести будет идея самоуважения, в противоположность самооценке или общественному почету.

Вторая часть посвящена вопросу о том, на каких основаниях людей можно уважать. Представлены обоснования

трех типов. К первому относятся позитивные, которые исходят из некоторого общечеловеческого качества, в силу которого люди заслуживают уважения. Ко второму — скептические обоснования, которые ставят под сомнение, что такое качество существует, и предполагают, что уважение проистекает из уважительного отношения как такового. Обоснования третьего типа, негативные, отвергают существование как позитивных, так и скептических оснований для того, чтобы уважать людей, но признают наличие оснований для того, чтобы стараться их не унижать.

В третьей части речь пойдет об унижении, во-первых, как исключении индивида из человеческого общепития и, во-вторых, как утрате базового контроля. Я покажу, как эти две стороны унижения проявляются в конкретных социальных ситуациях в том, что людям отказывают в тех специфических способах жизни, посредством которых они выражают свою человечность.

Четвертая часть будет посвящена тому, как должны функционировать в достойном обществе основные социальные институты, например те, которые отвечают за благополучие граждан и за их наказание. Я не ставлю перед собой цели охватить все социальные институты (например, обеспечение людей жильем я рассматривать не стану), но коснусь достаточно широкого их спектра.

Итак, книга состоит из двух основных разделов. В первых трех частях речь пойдет об унижении; в четвертой — о его институциональных проявлениях. В заключении я сопоставлю достойное общество с обществом справедливым. Всякое справедливое общество должно быть достойным, но не наоборот.

Я не установил верхнюю или нижнюю границу размера тех социальных единиц, которые могут претендовать на звание достойного общества, однако в современном мире естественный выбор — это сообщества величиной с нацию. Сообщества меньшего размера уже потому подходят не вполне, что одним из условий жизни без унижений в современном мире является способность читать и писать вкупе с рядом элементарных технических

навыков, что предполагает наличие более или менее продвинутой образовательной системы. В маленьких обществах создать подобную систему затруднительно. Нации представляют особый интерес и еще по одной значимой причине. Мы привыкли к тому, что именно государства обладают монополией на применение силы и достаточно часто возможностью этой пользуются. По этой причине государства имеют особенно большие возможности для институционального унижения, как нормативные, так и фактические.

Я начал с достаточно общей характеристики достойного общества как общества, которое не унижает. Почему я выбрал именно такую негативную характеристику — «не унижает», а не характеристику позитивную: скажем, общество, которое уважает своих членов? Тому есть три причины: моральная, логическая и когнитивная. Моральная причина основана на моей убежденности в том, что искоренение зла и несение добра — вещи в высшей степени асимметричные¹. Устранить зло во всех его формах есть задача куда более насущная, нежели создать блага, способные скрасить нашу жизнь. Унижение есть зло, уважение — благо. Следовательно, побороть унижение должно быть более насущной задачей, чем оказать уважение. Логическая причина основана на различии между теми целями, достичь которых мы можем осознанно и прямым путем, и теми, что представляют собой, так сказать, побочный продукт и достичь которых прямым путем мы не можем². Так, люди, которые хотят быть непосредственными, не могут добиться желаемого напрямую, приняв решение вести себя соответствующе. Самое большое, чего они могут подобным образом достичь, — это казаться таковыми. Непосредственность — скорее побочный продукт,

1. *Popper K.* The Open Society and Its Enemies. Vol. 1. Plato. 5th ed. London: Routledge, 1966. P. 284–285; *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. Под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 113–114.
2. *Elster J.* States That Are Essentially By-Products // *Elster. Sour Grapes.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 43–101.

а не первоочередная цель. Уважение к людям также может быть, по существу, побочным продуктом того, как мы ведем себя с людьми вообще, тогда как применительно к нежеланию унижать людей подобное утверждение не является истинным. Судя по всему, невозможно найти какую-то конкретную форму поведения, которую мы могли бы квалифицировать как специально предназначенную для того, чтобы выказывать уважение (в том смысле, в котором существуют специфические действия, которые мы опознаем как признание воинского статуса, вроде отдания чести). Можно сказать, что мы выражаем уважение посредством действий, предназначенных для каких-то иных целей, так что само по себе выказанное нами уважение представляет собой побочный продукт. И наоборот, существуют такие действия, скажем плевков в лицо, которые унижают человека, не будучи побочными продуктами других действий.

Третья, когнитивная причина состоит в том, что унижение распознать легче, чем уважение, так же как болезнь распознается легче, чем здоровье. Здоровье и честь понимаются как нечто такое, что нужно защищать. Мы защищаем свою честь и оберегаем здоровье. Болезнь и унижение понимаются как формы нападения. Ситуации нападения опознать много легче, нежели ситуации самозащиты, поскольку в основании первых лежит ясное различие между тем, кто нападает, и тем, на кого нападают, тогда как последние вполне возможны и без определенного агрессора.

В силу всех этих причин я и склонен давать достойному обществу характеристику негативную, а не позитивную. Согласно позитивной характеристике, достойным будет такое общество, которое посредством своих институтов оказывает уважение людям, находящимся под его властью. К этой позитивной характеристике достойного общества, как вы увидите в дальнейшем, мы тоже будем обращаться — наряду с той негативной, с которой мы начали.

Характеризуя достойное общество, я старался не прибегать к привычным -измам вроде либерализма или социализма. Если уж совсем никак нельзя обойтись без ярлыков,

то лучше всего моим представлениям о достойном обществе соответствует социализм в духе Оруэлла — как противоположность тому социализму, который Оруэлл описывает. Последний представляет собой скотный двор, населенный равными и более равными, а не человеческое общество равных людей. Если мы беремся обсуждать идею достойного общества, то Оруэлл, вне всякого сомнения, есть фигура первостепенная, и в том смысле, в котором Оруэлл был социалистом, можно сказать, что достойное общество есть воплощение социализма в духе Оруэлла.